

Гасанова Ш.Ш.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.67.17-26

УДК 343.1

**Искусственный интеллект и перспективы уголовного права,
криминологии и криминалистики**

Аннотация: Несмотря на интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта, в настоящее время по-прежнему общемировой остается проблема практически полного отсутствия их нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения. В юридической доктрине доминирует суждение, что в современную эпоху развития общества особую важность приобретают вопросы правовой оценки достижений научно-технического прогресса. Следует отметить, что научный прогресс как явление сопровождает развитие права (в т. ч. и уголовного) на протяжении длительного периода времени и, как верно подмечено многими отечественными и зарубежными авторами, не может не оказывать влияния на содержание уголовно-правовых норм. Однако уголовное (и не только уголовное) законодательство постоянно запаздывает в своей реакции на бесспорно грандиозные достижения и побочные эффекты научно-технического прогресса. Статья посвящена перспективам уголовного права, криминологии и криминалистики в контексте применения систем искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовное право; криминология; криминалистика; перспективы; суждения; актуальные направления.

Развитие компьютерной техники компенсировало человеку ограниченность его возможностей в ряде направлений. Создание систем искусственного интеллекта раздвинуло границы сложности, которые были доступны человеку, и сделало существенный вклад в осознание человеком внешнего и внутреннего мира.

В настоящее время со стороны всех цивилизованных государств мира уделяется колоссальное внимание развитию информационных технологий и непосредственно искусственному интеллекту, внедряя его достижения в самые различные сферы общественной жизни. Процесс цифровизации также затронул и сферы уголовно-правовой и уголовно-процессуальной деятельности.

В условиях развития компьютерной техники все больше государств по всему миру проводят эксперименты и внедрение искусственного интеллекта для предупреждения преступности, а также для максимально быстрого реагирования на совершаемые преступления. Сами идеи, лежащие в основе многих из этих проектов, заключаются в том, что большинство преступлений прогнозируемо, для этого необходимо иметь возможность обрабатывать, анализи-

* Гасанова Шалала Шакир кызы - доктор философии права, доцент, ведущий научный сотрудник отдела «Уголовное право и уголовный процесс» Института права и прав человека (Азербайджан).
E-mail: shelale.hasanova@gmail.com

ровать огромный объем данных, чтобы получить прогноз, который будет действительно полезен для правоохранительных органов. Такой анализ данных еще буквально десять лет назад был технологически невозможен, однако последние разработки в области машинного обучения дают возможность увидеть прекрасную перспективу, того, что мы можем справиться с подобной задачей [7, с. 108].

Существуют определенные отраслевые вызовы и подходы к решению проблем, которые развитие искусственного интеллекта ставит перед правом, на примере институтов публичного и частного права, в частности, ответственности, защиты персональных данных, права интеллектуальной собственности. Развитие искусственного интеллекта требует изменения правового ландшафта [4, с. 137]. Развитие систем и технологий искусственного интеллекта обусловило новые вызовы также для наук уголовно-правового и криминального цикла. Так, проблематика искусственного интеллекта не обошла стороной сферу уголовного судопроизводства, криминалистики и уголовного права. Основными проявлениями рассматриваемой проблематики относительно уголовно-правовых и криминалистических дисциплин являются продолжающиеся дискуссии о перспективах цифровизации уголовного судопроизводства, кибернетической алгоритмизации процессов расследования, судебного разбирательства, назначения наказания, перехода от традиционного – бумажного производства к электронному и т.д.

Несомненным представляется суждение о том, что в историю развития и трансформации уголовного права XX и XXI века войдут как эра создания киберпреступности (преступности в сфере интернета, компьютерных и цифровых информационно-коммуникативных технологий) и преступности в сфере деятельности искусственного интеллекта. Иными словами, эта эра войдет в историю уголовного права в качестве эры появления преступлений, ранее не известных человечеству, хотя предсказанных учеными футурологами, в том числе в сфере уголовно-правовых дисциплин. Но, по нашему мнению, как верно отмечает М.Н. Иманлы, борьба с киберпреступностью имеет свою нормативную базу, направленную на обеспечение безопасности компьютерной информации. Он также справедливо отмечает, что наличие в национальном уголовном законе самостоятельной главы, посвященной киберпреступлениям, обусловлено международными обязательствами, взятыми на себя Азербайджанской Республикой [11, с. 376]. Получив именно нормативное закрепление, феномен киберпреступности приобрел официальный характер и стал полноценным институтом (проблематикой) уголовного права. Нормативное закрепление является официальным признанием *defacto* существующей проблемы и требует уже *dejure* вмешательства государства в регулировку данной проблемы. Кроме того, нормативное признание того, либо иного феномена в законе, объективно обуславливает выбор и легальную формулировку законодателем соответствующего доктринально-философского подхода к регулируемой проблеме, что в свою очередь создает благоприятные условия для разработки учеными альтернативных доктрин и концепций, конкурирующих с уже закрепленной в законе концепцией. Представляется, что феномен преступности искусственного интеллекта также не может иметь место быть в науке уголовного права, без соответствующей нормативной базы. В этом смысле, качество, перспективность и результативность научных исследований проблем искусственного интеллекта в контексте права и юриспруденции в целом, а также специального, более детального отраслевого правового регулирования в первую очередь зависит от степени *delegelata* существующей законодательной базы относительно соответствующей сферы. Именно существующий

delegelata нормативный и эмпирический материал обуславливает перспективы *delegeferenda* разработок и концепций совершенствования законодательства и практики правоприменения.

Проблема отсутствия нормативно-технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта является одной из самых актуальных проблем современной правовой науки и практики. Совершенно очевидно, что учеными вскоре должна быть исследована специфика правового регулирования использования и разработки искусственного интеллекта [12; 13].

В рамках Глобальной конференции ЮНЕСКО «Принципы Искусственного Интеллекта: в направлении гуманистического подхода», 4 марта 2019 года в штаб-квартире Организации, был достигнут четкий консенсус в отношении необходимости обеспечения ориентированного на человека управления искусственным интеллектом. Открывая конференцию, Генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азуле (Audrey Azoulay) сказала, что проблемы, связанные с искусственным интеллектом, не являются технологическими. Они касаются нашей собственной человечности, поднимают научные, политические, философские и этические вопросы.

По нашему мнению, технологические проблемы искусственного интеллекта временны и в принципе решаемые в зависимости от уровня развития науки, а философские и соответственно правовые проблемы искусственного интеллекта вечны, пока будет существовать человечество, и в принципе не решаемы, они не зависят от уровня научно-технологического прогресса. Относительно философско-правовых проблем искусственного интеллекта можно вести речь лишь о конвенциональном разрешении того либо иного аспекта рассматриваемой комплексной и многогранной проблемы. Иными словами, люди (большинство людей) могут лишь прийти к соглашению, например, путем принятия закона о том, что в чем они видят решение того или иного аспекта правовых проблем искусственного интеллекта: будут ли они считать искусственный интеллект субъектом правоотношений, либо нет; будут ли они считать искусственный интеллект равным к человеческому интеллекту; согласятся ли они, например, на то что бы их судил, обвинял либо защищал в суде искусственный интеллект и т.д.

В современном периоде развития общества и науки учеными-правоведами и действующим законодательством страны, в том числе и уголовным законом только человек признаётся носителем сознания, и сознание является одним из основных критериев наделения его правами и обязанностями.

Так, ст. 19 УК АР на вопрос кто может нести уголовную ответственность за совершенное уголовное правонарушение? однозначно отвечает, что ответственным в уголовно-правовом порядке за совершенное преступление может быть только физическое лицо, то есть человек, причем который обязательно должен быть вменяемым (качество присущее исключительно человеку, так как связано с автономией воли) и достигшим определенного возраста. Такая же норма закреплена и в ст. 19 УК РФ.

Исходя из данного тезиса, можно сделать вывод о том, что, кроме человека, никто и ничто не должно становиться полноценным участником правовых отношений – ибо никто и ничто более не способно принимать осознанные, самостоятельные решения, что рождает и смысл ответственности, и ценность последствий этих решений.

Однако есть ряд исключений. Субъектами права в ряде случаев являются государство и юридические лица. В отдельно взятых ситуациях отсутствие чётко выраженного личного, единичного сознания, воли одного конкретного человека компенсируется решениями и действиями, принимаемыми и совершаемыми от лица именно некой группы, некоего аморфного на первый взгляд «мы». Но когда дело доходит до насущных и простых вопросов: кем было принято первичное решение? кто будет источником для получения важной информации? в конце концов - кто должен нести ответственность? (если речь идёт об уголовно-правовой сфере), то мы неизбежно приходим к физическому лицу. Так или иначе, рано или поздно, именно физическое лицо предстаёт в качестве ответчика или истца, обвиняемого или потерпевшего [10, с. 357].

Уголовная ответственность – один из видов юридической ответственности, основным содержанием которого выступают меры, применяемые государственными органами к лицу в связи с совершением им преступления.

Уголовная ответственность является общественной реакцией, реализуемой через принудительную власть государства (*actio* – это преступление, совершенное определенным лицом, либо группой лиц, соответственно *reaction* – это ответ государства на преступление) на противоправное антиобщественное поведение человека в обществе. Данная реакция проявляется в создании государством конкретных материальных, нравственных, порой телесных лишений для лица, совершившего преступление. Через данную реакцию государство реализует индивидуальную карательную, а также комплексную (то есть и индивидуальную и общую) профилактическую функцию борясь, таким образом, с преступностью в рамках своей юрисдикции.

В современной доктрине уголовного права субъектом уголовной ответственности является лицо, совершившее деяние, предусмотренное уголовным законом в качестве преступления, и особенное нести за него уголовную ответственность. Законодатель при помощи признаков субъекта сужает круг лиц, могущих нести уголовную ответственность за определенное преступление или определенную группу преступлений, тем самым утверждая положение, что не всякое лицо может быть субъектом данного вида или данного рода преступлений [1, с. 139].

Как было отмечено выше, субъектом преступления может быть только физическое лицо, то есть человек. Юридические лица (предприятия, учреждения и иные организации и объединения) субъектом преступления быть не могут (хотя в последние годы вопросы уголовной ответственности юридических лиц стали довольно актуальны). Не признаются субъектами преступления животные, причинившие вред здоровью человека. Если они выступают в качестве орудия преступления, то уголовной ответственности за это подлежат хозяин животного или иное лицо. Уголовной ответственности за преступное посягательство подлежит только вменяемое лицо. Вменяемость, являясь необходимым признаком, характеризующим субъекта преступления, определяется тем, что лицо осознает в момент совершения деяния его общественно опасный характер, отдает отчет своим действиям либо бездействию и может руководить ими. Невменяемые лица уголовной ответственности не подлежат, независимо от характера и степени общественной опасности совершаемых ими действий (бездействия).

Задаются ряд вопросов: а что, если появится искусственный интеллект способный принимать продуманные (рассчитанные, выбранные среди альтернативных), самостоятельные

решения? Можно ли будет оценить такой интеллект в качестве субъекта права, в том числе субъектом уголовного права, если он при принятии самостоятельных решений нарушит уголовный закон? Кто должен брать на себя ответственность и компенсировать ущерб, причиненный уголовно наказуемыми действиями искусственного интеллекта? Можно ли, либо нужно ли наказывать искусственный интеллект в случаях нарушения им уголовного законодательства? Если, можно и нужно, какие наказания следует применять к искусственному интеллекту? Подлежит ли искусственный интеллект перевоспитанию? Подлежит ли искусственный интеллект профилактике преступного поведения?

Искусственный интеллект – это новое явление для правовой науки, которое по ряду позиций недостаточно изучено. Искусственный интеллект отличается от обычных компьютерных алгоритмов тем, что он способен обучать себя на основе накопленного опыта. Эта уникальная функция позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. Поэтому в большинстве случаев эффективность и потенциал искусственного интеллекта довольно неясны. Совершенно очевидно, что полная автономия искусственного интеллекта в принятии решений не исключает возможности нарушений закона, в том числе нарушений уголовного закона решениями последнего.

Распространение технологий искусственного интеллекта в обществе неотъемлемо связано с тем, что чем больше люди используют искусственный интеллект, тем более вероятны разнообразные нарушения законов. Растущий уровень использования технологий искусственного интеллекта приводит к некоторым существенным проблемам в области законодательства. Соответственно, развитие искусственного интеллекта и его постоянно расширяющихся сфер применения требует изменений в правовом регулировании [9, с. 92].

Следует также учесть, что хотя супер-интеллект, способный к самосовершенствованию и обладающий способностью создавать искусственный интеллект, еще не создан, существующие роботы со встроенными примитивными системами искусственного интеллекта уже могут нести риски нанесения вреда людям. С внедрением более совершенных систем искусственного интеллекта вероятность причинения вреда человеку будет только возрастать. Не исключено, что когда то робот может совершить хищение, уничтожить имущество, убить человека.

Так как электронные машины тесно взаимодействуют с людьми, необходимо определить их юридический статус и роль в обществе. Правда, касается это не всех роботов, а только тех, которые обладают искусственным интеллектом и способны передвигаться самостоятельно. Речь, в частности, идет о роботах-гуманоидах и беспилотных автомобилях. С учётом того, что искусственный интеллект, наделенный способностью анализировать и составлять поведенческий алгоритм вне зависимости от программных предустановок, нуждается в правовом регулировании, необходимо продумать – каким правовым статусом он должен быть наделён? С чего следует начать? Начать, безусловно, следует с создания нового субъекта права. В праве, в том числе в уголовном, речь идет только о физических и юридических лицах. Соответственно, уголовное право оперирует такими категориями как «ответственность физических лиц» и «ответственность юридических лиц». А что, если дополнить перечень субъектов права таким субъектом как «искусственное лицо»?

Искусственным лицом, в этом случае будет считаться определенный носитель искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающий разумом, аналогичным че-

ловеческому, способностью принимать осознанные и не основанные на заложенном создателем такой машины, робота, программы алгоритме решения, и в силу этого наделённый определёнными правами и обязанностями. Думаем, что после этого, уж можно будет размышлять о субъектности «искусственного лица» в уголовном праве.

Относительно перспектив признания «искусственных лиц» в качестве субъектов уголовно-правовой ответственности, следует учесть, что правовое положение искусственного интеллекта зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта от человека. Существенно, значимыми элементами такой автономности, являются субъектность, когнитивная и адаптационная автономность, пространственно-кинетическая автономность, автономность программно-энергетического управления и энергетическая автономность. Однако каждая из этих позиций сама по себе нуждается в фундаментальном осмыслении и понимании, чтобы выработать релевантные предложения о совершенствовании законодательства в этой сфере.

Как правило, криминалистика, уголовный процесс, уголовное право, судебная экспертиза, ОРД и другие правовые науки являются прикладными по отношению к естественным, техническим, ряду общественных и гуманитарных наук, в том числе, называемых прикладными. Юристы с успехом, а порой, и не очень, используют в профессиональных целях открытия и разработки и физиков и лириков, зачастую развивая их и совершенствуя на порядок лучше стартовых знаний. Возможно, такое произойдет и с интеллектом, однако, представляется, что лишь после того как все определятся с этим понятием [5, с. 36].

В последние годы появилось много работ, описывающих практику использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, предлагающих все новые и новые платформы. Так, утверждается, что математические методы и алгоритмы позволили сформировать так называемые умные контракты, представляющие собой компьютерные протоколы, которые отображают или проверяют договоры или предоставляют техническую поддержку для переговоров или исполнения контракта, повышают безопасность правоотношений по сравнению с традиционным договорным правом, снижая операционные издержки. Кроме того, появились программы (LegalTech), которые, как утверждается, предвидят исход судебных процессов, включая потенциальную компенсацию, осуществляют автоматизацию повторяющихся задач для юристов, отвлечение внимания, снижение судебного риска и т.д. [5, с. 41]

Необходимость использования искусственного интеллекта в прогнозировании преступлений или вероятности совершения какого-либо преступления человеком имеет важные и многообещающие последствия в развитии предупреждения преступности и обеспечении нормального функционирования государства. В настоящее время одной из самых больших проблем остается доказывание и обоснование должностным лицам, принимающим решения, что эти системы работают и приносят положительный результат. Разработчикам подобных систем необходимо обратить внимание, что большинство этих технологий, которые разрабатываются или будут разрабатываться главным образом с учетом интересов государства, несут в себе основные и дополнительные выгоды, так как, кроме государства, в подобных системах всегда будут заинтересованы и частные компании. Технологии, используемые для предупреждения, прогнозирования преступности и автоматического выявления подозрительного поведения лиц, может помочь в предупреждении преступлений на предприятиях. С учетом изложенного указанное направление должно стать приоритетным в политике государства в целом [7, с. 110].

Начавшаяся эпоха господства цифровых технологий открывает новые возможности для разработки более эффективных методик получения точных и достоверных количественных оценок различных свойств преступности для целей ее прогнозирования и, соответственно, для решения задач уголовной политики. В наибольшей степени возможности цифровизации уголовной политики, под которой имеется в виду внедрение количественных методов анализа криминальных реалий и мер реагирования на них (включая методы математической статистики и математического моделирования) в практику формирования и реализации системы мер борьбы с преступностью, должны быть востребованы, прежде всего, теми государствами, дальнейшее развитие которых в большой степени зависит от их способности преодолеть влияние организованной преступности, в частности таких ее наиболее опасных проявлений, как организованные формы экономической преступности, киберпреступности и т.д. [3, с. 476-477].

Достижения искусственного интеллекта уже применяются в правоохранительной деятельности многих стран. Например, в Голландии нашел практическое применение машинный алгоритм, работающий на основе нейротехнологий, который помогает Национальной полиции значительно сэкономить рабочее время субъектов расследования, подготавливая уголовное дело для дальнейшего производства по нему. В Англии для расследования коррупционных преступлений с участием технологического концерна Rolls-Royce Holdings Plc, следователи использовали возможности робота «АСЕ», работающего на системе искусственного интеллекта, основной задачей которого являлось выявление ценной информации для уголовного дела. Робот анализировал по 600 000 различных текстовых файлов в день. Всего «АСЕ» помог семерым следователям обработать 30 млн документов, тем самым во многом ускорил процесс расследования преступления и т.д. Рассмотренные примеры позволяют заключить, что использование искусственного интеллекта положительно сказывается на эффективности профессиональной деятельности следственных работников по расследованию преступлений. Данное обстоятельство, по нашему мнению, обуславливает необходимость дальнейшего прогрессивного исследования возможностей внедрения информационных технологий в сферу борьбы с преступностью [8, с. 76].

Для целей правовых отраслей знания, в том числе криминалистики, искусственные нейронные сети можно рассматривать как программные или аппаратные комплексы простых обработчиков данных, способных обмениваться друг с другом сигналами и при достаточно развитой структуре и настроенной логике взаимодействия решать сложные задачи. Человеческое мышление и его специализированные типы, к которым относится и криминалистическое мышление, основаны на электромагнитном или химическом перемещении ионов между синапсами, представляющими собой точки контактного взаимодействия нейронов головного и спинного мозга. Закономерно, что на ранних этапах создание искусственного интеллекта может заимствовать архитектуру построения способа обработки информации человеческим мозгом. В настоящее время наиболее эффективный способ организации искусственного интеллекта – искусственные нейронные сети. Несмотря на существование математических методов решения многих следственных задач, пока превосходящих возможности искусственных нейронных сетей, последние благодаря универсальности и перспективности для решения глобальных задач, например построения искусственного интеллекта и моделирования процесса мышления являются важным направлением исследования, требующим тщательного изучения [2, с. 48-49].

В литературе в качестве основных направлений решения актуальных вопросов при использовании искусственного интеллекта для предупреждения преступности указываются нижеследующие моменты:

- необходимость налаживания системы эффективного взаимодействия законодательных органов, практических работников с учетом их теоретических наработок и опыта в области применения искусственного интеллекта в правоохранительной сфере;
- необходимость в доработке действующего правового регулирования в данном вопросе с учетом необходимости разработки интеллектуальных систем, позволяющих осуществлять прогнозирование и предупреждение преступности;
- необходимость обеспечения поддержки отечественных разработок технологий искусственного интеллекта, используемых для прогнозирования и профилактики преступности, в качестве приоритетного направления государственной политики [6, с. 117].

Библиография

1. Агаев И.Б. Уголовное право Азербайджанской Республики. – М.: Юристъ, 2009, 684 с.
2. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. - 2018. - № 2. - С. 43-49.
3. Васин Ю.Г., Максимов С.В., Утаров К.А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. Том 12. - № 4. - С. 476-484.
4. Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. - № 4. - С. 137-148.
5. Гасанова Ш.Ш., Сулейманов Д.И. Искусственный интеллект и судопроизводство: проблемы и тенденции // Юридические науки и образование. 2022. - № 66. - С. 35-50.
6. Дроздов В.Ю. Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности // Закон и право. – 2021. - № 9. - С. 114-117.
7. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. - № 3. – С. 108-110.
8. Лебедев М.Д., Савоев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Вопросы студенческой науки. – 2020. - № 7 (47). - С. 73-77.
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. – 2018. - № 1. -С. 91-109.
10. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. - № 3. - С. 357-360.
11. İmanlı M.N. Cinayət hüququ. Xüsusi hissə. Təcrübi materiallar toplusu ilə birləşdirilmiş dərslik (yenidən işlənmiş və əlavə edilmiş 3-cü nəşr). - Bakı, 2019. - 768 s.
12. Turner J. Robot Rules: Regulating Artificial Intelligence. London: Palgrave Macmillan, 2019, 391 p.
13. Wischmeyer T., Rademacher T. Regulating Artificial Intelligence. New York: Springer, 2020, 391 p.

Hasanova Sh. Sh.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.67.17-26

UDC 343.1

**Artificial intelligence and perspectives on criminal law,
criminology and criminalistics**

Abstract: Despite the intensive development of artificial intelligence technologies, at present, it has been still stayed the problem of the almost complete absence of their regulatory legal regulation and regulatory technical regulation of the foundations, conditions and features of development, launch, operation and activity, integration into other systems and application control. The legal doctrine is dominated by the judgment that in the modern era of the development of society, issues of legal assessment of the achievements of scientific and technological progress acquire particular importance. It should be noted that scientific progress as a phenomenon accompanies the development of law (including criminal) for a long period of time and, as correctly noted by many domestic and foreign authors, cannot but influence the content of criminal law. However, criminal (and not only criminal) legislation is constantly lagging in its reactions to indisputably grandiose achievements and side effects of scientific and technological progress. The article is devoted to the prospects of criminal law, criminology and criminalistics in the context of the use of artificial intelligence systems in law enforcement activities.

Keywords: artificial intelligence; criminal law; criminology; criminalistics; perspectives; judgments; actual directions.

References

1. Agaev I.B. *Ugolovnoe pravo Azerbajdzhanskoj Respubliki*. [Criminal Law of the Republic of Azerbaijan] Moscow: Yurist Publ., 2009, 684 p.
2. Bahteev D.V. *Iskusstvennyi intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya* [Artificial Intelligence in Forensic Science: The State and Prospects of Use] (In Russ.). *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, No. 2, p. 43-49.
3. Vasin Yu.G., Maksimov S.V., Utarov K.A. *Cifrovaya kriminologiya kak instrument bor'by s organizovannoy prestupnost'yu* [Digital criminology as a tool to tackle organised crime] (In Russ.). *Vserossijskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2018, Tom 12, No. 4, p. 476-484.
4. Vojnikanis E.A., Semenova E.V., Tyulyaev G.S. *Iskusstvennyi intellekt i pravo: vyzovy i vozmozhnosti samoobuchayushchihsya algoritmov* [Artificial intelligence and law: challenges and capabilities of self-learning algorithms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2018, No. 4, p. 137-148.
5. Hasanova Sh.Sh., Suleymanov J.I. *Iskusstvennyi intellekt i sudoproizvodstvo: problemy i tendencii* [Artificial Intelligence and Litigation: Challenges and Trends]. *Yuridicheskie nauki i obrazovanie*, 2022, No. 66, p. 35-50.

♦ **Hasanova Shalale Shakir** – PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Department for Criminal Law and Criminal Process of the Institute of Law and Human Rights (Azerbaijan). E-mail: shelale.hasanova@gmail.com

6. Drozdov V.Yu. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta dlya preduprezhdeniya prestupnosti* [Using artificial intelligence to prevent crime]. *Zakon i pravo*, 2021, No 9, p. 114-117.
7. Kravtsov D.A. *Iskusstvennyi razum: preduprezhdenie i prognozirovaniye prestupnosti* [Artificial Intelligence: Crime Prevention and Forecasting]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, No. 3, p. 108-110.
8. Lebedev M.D., Savvov S.A. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestupleniy* [Using artificial intelligence in crime investigations]. *Voprosy studencheskoy nauki*, 2020, No. 7 (47), p. 73-77.
9. Ponkin I.V., Red'kina A.I. *Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava* [Artificial intelligence in terms of law] (In Russ.). *Vestnik RUDN*, 2018, No. 1, p. 91-109.
10. Uzhov F.V. *Iskusstvennyi intellekt kak sub"ekt prava* [Artificial intelligence as a subject of law]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2017, No. 3, p. 357-360.
11. Imanli M.N. *Criminal law. Special part. Textbook with a collection of experimental materials (revised and supplemented 3rd ed.)*. baku, 2019, 768 p. (in Azerbaijani).
12. Turner J. *Robot Rules: Regulating Artificial Intelligence*. London: Palgrave Macmillan, 2019, 391 p.
13. Wischmeyer T., Rademacher T. *Regulating Artificial Intelligence*. New York: Springer, 2020, 391 p.